

УДК 81'221.22

СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА И ПРОБЛЕМА МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ

Г.Е. Крейдлин

В статье рассматривается признаковый подход к построению семиотической концептуализации тела и телесности как один из способов решения проблемы мультимодальности. Приводится классификация и описание признаков частей тела, анализируются механизмы взаимодействия между формальными признаками и конкретными невербальными единицами, показано соотношение вербальных и невербальных телесных единиц. Дается описание некоторых соматических объектов с использованием признакового подхода.

Ключевые слова и фразы: тело; невербальная семиотика; мультимодальность; жест; семиотическая концептуализация.

THE SEMIOTIC CONCEPTUALIZATION OF THE HUMAN BODY AND THE QUESTION OF MULTIMODALITY

G.E. Kreydlin

In the article we observe the feature-based approach to the construction of the semiotic conceptualization of the human body and corporeality as a possible way of solving the problem of multimodality. We give a classification and description of the particular features of the human body, analyze the mechanisms of cooperation between the formal criteria and the particular somatic objects, demonstrate the correlation between verbal and non-verbal corporeal units. We describe several somatic objects using the feature-based approach.

Key words and phrases: body; non-verbal semiotics; multimodality; gesture; semiotic conceptualization.

1. Предварительные замечания

Как известно, в устном общении люди обычно пользуются не одной, а сразу несколькими знаковыми, или семиотическими, системами одновременно. И хотя естественный язык имеет безоговорочный приоритет, во многих случаях, как писал известный польский писатель Ежи Лец, нам гораздо больше говорят слова, которые люди не употребляют, чем слова, которыми они злоупотребляют.

Многие невербальные, и прежде всего телесные, или, иначе, соматические, аспекты поведения людей – то, как люди сидят или стоят, как располагаются друг по отношению к другу, какие исполняют жесты и какие принимают позы, каким голосом и тоном разговаривают, смотрят друг на друга или нет и др. – играют важную роль в диалогическом взаимодействии. Невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования телесных знаков и занимает заметное место в жизни отдельного человека

и общества. Подчеркивая её важность, кто-то заметил: "Words may be what men use when all else fails" 'Слова, быть может, это то, чем пользуются люди, когда все остальные средства общения оказались безуспешными (букв. <...> когда всё остальное терпит неудачу)'. Среди разнообразных знаковых средств невербальной коммуникации выделяется язык жестов, мимики, знаковых поз и телодвижений, взглядов и касаний, то есть язык жестов <в широком смысле слова>, или, иначе, язык тела (body language), как его часто называют в англоязычной литературе.

Бурное развитие сегодня получила новая комплексная наука **невербальная семиотика**, основным предметом которой является человек и особенности его невербального знакового поведения в акте коммуникации.

В кругу проблем, стоящих в центре невербальной семиотики, отметим проблему мультимодальности [Мультимодальная коммуникация 2014], под которой понимается описание общих законов и конкретных правил взаимодействия в устном коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков. Составными частями проблемы мультимодальности являются исследование разнообразных вербальных, невербальных и смешанных, то есть вербально-невербальных, телесных компонентов знаковой коммуникации и создание моделей вербального, невербального и смешанного поведения, их алгоритмизация и компьютерная реализация. К ним примыкают анализ наиболее значимых культурных и общественных ритуалов и других регламентированных форм поведения, изучение патологии невербального и смешанного поведения и ещё очень многое другое.

На сегодняшний день можно считать вполне установленным тот факт, что решение проблемы мультимодальности невозможно без анализа телесных объектов, участвующих в коммуникации, их признаков и действий, а также характеристик людей – обладателей этих объектов. При этом разнообразные телесные практики обусловлены не только анатомией и физиологией человека, но также модой, престижем, воспитанием, национальными, этническими или культурными обычаями и – в столь же большой мере – теми областями жизни и деятельности человека, где эти практики применяются.

2. Семиотическая концептуализация тела

Уже самые первые шаги на пути к решению проблемы мультимодальности продемонстрировали важность определения и обоснования релевантной методологии и эффективного концептуального инструментария, к которому относится, в частности, построение адекватного языка описания, или метаязыка. Основу этого метаязыка составляет

понятие **семиотической концептуализации тела и телесности** [Крейдлин 2013; Крейдлин, Переверзева 2009, 2010].

Семиотическая концептуализация тела и телесности – это модель того, что и как обычный, не искусственный в науке носитель языка говорит о теле и других телесных объектах, а также того, как человек пользуется телом в устных коммуникативных актах самых разных по тематике и жанру. Данная модель складывается из большой совокупности соматических объектов, признаков объектов и их языковых имён, жестов, совершаемых телом и над телом, и др. Из телесных признаков особенно важными являются форма и размер тела или отдельных его частей, а также конфигурация и внутреннее строение соматических объектов. Речь идёт, таким образом, о **структурных и морфологических аспектах** тела. Структурным признаком является также **местоположение** данного соматического объекта относительно других соматических объектов. Язык, например, в норме находится во рту за зубами и не виден. А уши, напротив, видны, если, конечно, не спрятаны под головным убором или за волосами, и мы знаем, что они находятся по бокам головы. Впрочем, язык говорит нам о том, что *ушки* могут быть *на макушке*, что с точки зрения анатомии является поистине чудовищной аномалией. Характеризуя внешний облик человека, мы можем сказать *У него кривые ноги* или *Он криворукий*, но не **Он кривоголовый* или **У него кривой живот*. Или – еще пример – в русском языке есть сочетания *стройное тело, изящная фигура*, но нельзя по-русски сказать **изящное туловище* или **тщедушный стан*.

Установлено, что большое значение для описания взаимодействия речи и жестов имеет то, что очень многие соматические объекты, хотя и не все, способны двигаться, меняя свое положение. Поэтому, описывая, например, мануальные жесты, которыми русские люди обычно пользуются в диалоге и в которых телесные объекты играют центральную роль, нужно указывать начальное и конечное положение объектов. Когда человек закрывает лицо руками, желая отгородиться от каких-то событий или от других людей, ладони его руки или рук находятся на лице и прикрывают глаза, и в этом случае человек обычно ничего не говорит. Напротив, выражая благодарность, он может в качестве жеста приложить ладонь к груди, а такое невербальное поведение уже вполне может сопровождаться словами благодарности. Важно также и то, что после исполнения обоих жестов рука в норме возвращается в исходное положение.

3. Признаки частей тела. Особенности взаимодействия смысловых и формальных компонентов невербальных единиц

Как известно [Крейдлин 2002], синтаксис невербального знакового поведения складывается из двух совокупностей правил. Это (1) правила внутреннего синтаксиса, которые отражают связь невербальных единиц друг с другом и порядок их следования в устном диалоге, и (2) правила внешнего синтаксиса, которые как раз и определяют возможность или невозможность соединения в диалоге жестов со словами и другими речевыми единицами.

До недавнего времени правила обоих типов обычно формулировались комплексно, то есть относительно того или иного жеста в целом. Например, правило внешнего синтаксиса говорило о том, что такой-то и такой-то жест сочетается в диалоге с таким-то и таким-то вербальным или невербальным знаком, в каких контекстных условиях это происходит, и что получается на выходе в результате действия правила. Однако, как показал накопленный мной за много лет изучения коммуникативного поведения людей в разных культурах и разных ситуациях общения (в частности, лекторского поведения, о котором я еще скажу чуть позже), такое способ описания представляется не вполне адекватным и плохо отражающим природу взаимодействия знаков, то есть их сочетаемости и упорядочения.

На самом деле, минимальными невербальными единицами, на базе которых следует описывать взаимодействие вербальных и телесных знаков в устном коммуникативном акте являются, в общем случае, не жесты, взятые целиком, а их отдельные **составляющие**, включая разнообразные телесные компоненты и признаки соматических объектов, играющие важную роль в образовании и функционировании жестов. Часто бывает, что наличие определённых телесных компонентов в составе жестовой формы является условием правильного употребления соответствующего жеста в диалоге, а иногда оно, наоборот, служит фильтром, препятствующим употреблению жеста. Приведу здесь лишь один пример.

Для описания комбинации «жест благодарности» + «словесное выражение благодарности», о которой я говорил выше, существенно участие рук и их положение именно на груди. На то, что благодарность исходит из груди и сердца, указывают не только жест **приложить руки к груди**, но и типичные для этих случаев сопровождения *Сердечно вам признателен; Благодарю вас от всего сердца* и т.п. Грудь и положение рук на ней, точнее, смысл, передаваемый этими телесными составляющими, хорошо соединяется со смыслом подобных речевых высказываний.

Правила синтеза, то есть правила перехода от смысла к тексту, нацеленные на отражение особенностей взаимодействия речи и жестов, должны, таким образом, учитывать возможность реализации смысловых компонентов в семантике жеста отдельными телесными

признаками. Такие правила уточняют и дополняют законы взаимодействия знаковых единиц рассматриваемых культурных кодов в устном коммуникативном акте.

4. Виды жестов. Участие жестов разных типов в устной коммуникации людей

I. Поскольку язык тела стоит ближе других невербальных знаковых систем к соответствующему ему естественному языку, классификацию жестов по отношению к языку и речи можно считать основной. Семиотическая классификация жестов начинается с деления всех жестов на три больших класса. Это (а) единицы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от речевого контекста; (б) единицы, сопровождающие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, либо иллюстрирующие какой-то объект или аспект коммуникации, и (в) единицы, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию.

Первый класс Давид Эфрон еще в 1941 году назвал **эмблематическими жестами**, или **эмблемами** [Efron 1941/1972]. Есть эмблемы – **невербальные аналоги слов**, но для русского языка жестов более типичны эмблемы, являющиеся **аналогами речевых высказываний**. Большинство русских эмблем в пределах одного жестового языка автономны по отношению к речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от нее, хотя существуют также редкие эмблемы, с обязательностью требующие речевого или звукового сопровождения.

Второй класс получил название **иллюстративных жестов**, или **иллюстраторов**. Эти жесты не могут выражать и передавать значение без вербального сопровождения и никогда не употребляются отдельно от него.

Иллюстраторы делятся на два крупных подкласса: (а) **собственно иллюстраторы**, которые действительно иллюстрируют нечто в акте актуальной устной коммуникации, и (б) **аккомпаниаторы** – жесты, сопровождающие речь и структурирующие или ритмизирующие её. Примерами собственно иллюстраторов являются русские **инструментальные жесты**, выражающие **целенаправленные действия**, которые связаны с выполнением определённых механических, технических и иных заданий (ср. жест «**ножницы**», или «**чем резать**», жест «**вот такой ширины**»), и жесты, отображающие движения тела (ср. жесты «<я> **побежала**», «<я вчера> **плавал**») и др. Примерами аккомпаниаторов служат единицы «**легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его**», «**чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса**», «**домик**», «**раскрытые руки с**

ладонями вверх и слегка наклоненными в сторону адресата». Последняя жестовая форма показывает, что жестикулирующий намеревается сразу же за исполнением данного жеста ввести в свою речь новую тему сообщения. В устном коммуникативном акте данный аккомпаниатор всегда выступает вместе со словами *А теперь...*; *<А> вот сейчас...* и т.п.

Третий вид жестов – это **регулятивные жесты**, или **регуляторов** (термины тоже принадлежат Д. Эфрону). Они могут выступать в коммуникативном акте как вместе с речью, так и без нее. Отличие регуляторов от первых двух видов жестов – чисто функциональное: регуляторы выполняют регулятивную функцию фиксации начала и конца общения, а также функцию поддержания общения. Примерами русских регулятивных жестов являются различные знаковые **кивки**; «**<периодическое> открывание и закрывание глаз**» – мимический аналог **кивка**.

II. Крупнейший немецкий психолог, физиолог и философ Вильгельм Вундт в начале прошлого века на основании разных значений признака «способ соотнесения знака со стоящим на нем элементом мира (референтом)» выделил три класса телесных знаков – **указательные**, или дейктические, жесты, изобразительные жесты и символические жесты. Сегодня, впрочем, стало понятным, что характеристики, лежащие в основании выделения этих единиц, свойственны не самим жестам, а их **контекстным употреблением**, и что жесты в разных своих употреблениях могут переходить из одного класса в другой, приобретая иные функции и иную интерпретацию. Такого рода переход может происходить не только в синхронии, то есть на данном историческом отрезке времени, но и в диахронии – в истории, в ходе языковой и культурной эволюции.

Из исторических процессов, культурно значимых для невербальной коммуникации, важнейшим является **символизация** – процесс, при котором отдельные инструментальные жесты, исходно отображающие предметы и действия, и некоторые указательные жесты переходят в разряд жестов-символов. Например, русские жесты **прикрыть рот** и **прикрыть глаза рукой или руками** своим относительно новым, производным значением обязаны, по видимому, вере людей в существование злых глаз и влиянию демонических и магических сил на жизнь человека. Изначально будучи движениями чисто физиологического плана, они подверглись означиванию и символизации, обретя культурные смыслы оберега. **Прикрывание рта во время зевка** служит в современной европейской культуре знаком 'приличного поведения' и входит в систему этикетных знаков. Раньше же, судя по исследованиям английского антрополога, психолога и специалиста в области невербальной семиотики П. Коллета, прикрывание рта было чисто физиологическим движением,

своеобразной защитой от проникновения внутрь тела посторонних предметов и других «злых сил» (замечание П. Коллета, высказанное в частной беседе).

Еще одной особенностью исторической и культурной эволюции невербальных знаков является то, что разные культуры выделяют, вообще говоря, разные аспекты для передачи сходства знаков со своими референтами. Например, в одних культурах счет на руках начинается с большого пальца, а в других – с мизинца, причем пальцы могут загибаться либо разгибаться. Приглашение к выпивке тоже может выражаться в разных культурах или на разных этапах развития одной культуры разными жестами – например, это может быть мануальный жест, изображающий стаканчик, или мануальный жест, обозначающий штопор (форма последнего жеста в русской культуре такова: большой палец поднят кверху, мизинец оттопырен и смотрит в сторону, остальные пальцы руки согнуты и прижаты к ладони). Но тот же смысл может быть передан и более сложным способом, а именно **пощелкиванием по горлу**, то есть жестом, при котором человек щелкает по горлу ногтем среднего или указательного, реже большого, пальца, в результате чего возникает звук, напоминающий звук от постукивания по горлышку бутылки.

5. Новые направления в исследовании взаимодействия речи и жестов

Понятие семиотической концептуализации тела и телесности и принятый на его основе признаковый подход к описанию соматических объектов, их признаков и языковых имен и др. открывают некоторые новые интересные и, как представляется, достаточно эффективные направления и подходы к проблеме мультимодальности.

Ниже я остановлюсь на некоторых из них.

I. Изучение русских жестов-аккомпаниаторов.

Русские аккомпаниаторы бывают нескольких видов. Это (А) жестовые ударения [Крейдлин 2006]; (Б) указательные, или, иначе, дейктические, жесты (по-видимому, самый древний и самый известный в мировой культуре класс жестов) [Крейдлин 2007, 2008]; (В) метафорические жесты; (Г) инструментальные жесты и (Д) жесты, структурирующие речевой поток. Последние помогают членению или, наоборот, объединению отдельных высказываний в тональные либо смысловые группы (чем способствуют восприятию фрагментов речевого потока как совокупности целостных частей).

Рассмотрю здесь только первые два подкласса.

А. **Жестовые ударения (batons 'палочки'** в терминологии Д. Эфрона или **strokes**, 'удары' в терминологии А. Кендона) представляют собой движения рук, плеч, ног или

туловища, синхронные с актуальной речью и осуществляемые в одном с ней пространстве. Основное назначение жестовых ударений – акцентировать, выделять какие-то фрагменты в потоке речи и тем самым отделять их от остальных фрагментов. Иными словами, жестовые ударения нацелены, прежде всего, на ритмическую сторону высказывания и на организацию смысла, а не, скажем, на обозначение и отображение каких-то объектов мира (референтов) или их свойств. Примерами русских жестовых ударений являются **сечение ребром ладони, ритмическое отбивание слогов кистью руки при скандировании, резкое движение рукой сверху вниз, подъем или отведение руки в сторону.**

Жестовые ударения – это периодически повторяющиеся вертикальные или горизонтальные движения руки (реже, пальцев) или ног, производимые по большей части с одинаковой частотой. По длительности жестовые ударения являются движениями краткими и быстрыми. Их форма и назначение определяются не содержанием речи, а интонационной, ритмической и фонетической структурами, то есть характером и последовательностью ударений, сегментацией, общей тональностью речи, интонационным контуром. Существенно, что данный класс жестов характерен только для определённых жанров и стилей речи. Например, их можно часто встретить в назидательной и убеждающей речи, которая в значительной мере свойственна политикам, военным и преподавателям.

В течение нескольких лет мной и моими юными помощниками изучался жанр академической лекции, которая велась в студенческой аудитории в диалогическом режиме. Для простоты можно считать, что все слушатели были примерно одного возраста, обычного темперамента и здоровья. Преподаватели РГГУ, чье знаковое лекторское поведение изучалось, были разного пола и возраста (от 35 до 65 лет), представителями разных гуманитарных профессий – психологами, лингвистами, историками, социологами, специалистами по теории литературы и культурной антропологии. На видеокамеру записывались фрагменты лекций, во время которых шло объяснение нового материала. Впоследствии для описания были отобраны 10–15 минут из общего числа записанных. Предметом изучения были дидактические лекторские жесты.

В результате анализа выяснилось, что важно различать **основные** и **дополнительные (вторичные) жестовые ударения лекторов.** Основное жестовое ударение обычно сопровождает сильное речевое ударение или предшествует ему, выполняя в коммуникации роль, аналогичную той, которую играют на письме некоторые пунктуационные знаки, а именно, не только выделяя, но и отделяя одну порцию информации от другой. А дополнительное, или вторичное, жестовое ударение является движением

гораздо более слабым и значительно менее акцентированным по сравнению с основным ударением.

На русском материале проверялось также утверждение, согласно которому основное жестовое ударение всегда имеет в высказываниях постоянное место [Shegloff 1984]. Эта гипотеза была выдвинута на английском материале, и было показано, что в английском языке основное жестовое ударение приходится обычно на последней акцентно выделяемый слог непосредственно перед тем словом или перед той парязыковой единицей, с которым или которой оно связано. Нами, однако, установлено, что для русского лекторского диалога такое строгое постоянство мест основных жестовых ударений не характерно.

В качестве типичного примера русского жестового ударения назову **сечение ребром ладони**. Назначение этого жеста состоит не только в выделении каких-то слов или слогов: в нем присутствует очевидный иконический компонент значения 'рубка', 'резка'. Существуют два основных артикуляционных варианта **сечения ребром ладони**, употребляемых в лекциях с примерно одинаковой частотой. В одном из них, условно **резкий вариант**, жест свидетельствует о том, что, делая текст рубленным (слова в этот момент произносятся обычно более резко и с большей, чем в норме, паузой, голос повышается), **жестикулирующий отсекает всякие сомнения в истинности произносимого им текста**. В другом, условно **мягком варианте**, то есть при менее резко выраженной артикуляции, жест интерпретируется как **некоторое предположение или допущение, отсекающее другие возможности**.

Описывая особенности употребления невербальных знаковых ударений, мы обратили внимание на любопытное словообразовательное и смысловое отношение между глаголами *рассекать* – *рассекать рукой воздух* и *отсекать* – *отсекать сомнения* и жеста. Было показано, что процессы словообразования в русском языке соотносятся с процессами реализации и интерпретации жестов и кинетического поведения в русском языке тела. Проблемы описания и типологии такой корреляции жестов и речи прежде не были даже толком поставлены (подробнее о смысловых отношениях между русскими словообразовательными и жестовыми единицами в [Крейдлин 2012б]).

Б. Дейктические жесты, в частности те, которые с высокой частотой встречаются в лекциях, весьма разнообразны по формам, по выражаемым значениям и своим функциям.

Обращение к лекционному материалу позволило выявить два важных семантических подкласса дейктических жестов, ранее в литературе не отмеченных. Это **собственно дейктические** и **характеризующие дейктические жесты**.

В толкованиях <собственно> дейктических жестов основной и, как правило, единственный смысл состоит в указании на некоторый объект X (объект в самом широком смысле слова – это может быть предмет, то есть 'вот X', местонахождение предмета 'X тут', направление движения 'X направился туда' и многое другое). А в смысловом представлении характеризующих дейктических жестов указание на объект не составляет основной смысл. Оно выполняется только для того, чтобы можно было охарактеризовать объект либо оценить объект или какие-то его свойства. Иными словами, схема толкования характеризующих дейктических жестов выглядит так: 'указывая на X, сообщаю, что X...!'. Характеризующие дейктические жесты тем самым не столько указывают (хотя делают и это тоже) на объект, сколько показывают действия объекта или его свойства.

Собственно дейктическими жестами являются, например, (а) иллюстративный жест математика рукой назад к доске, глаза его направлены на аудиторию, а жестом он показывает на исписанную сверху донизу доску с одновременным произнесением слов: *Вот теперь доказательство можно считать законченным*; (б) иллюстративный жест головой женщины, выполняемый под аккомпанемент высказывания *Вот я набросала тут приблизительный список тем*. Характеризующими дейктическими жестами являются (а) жест «**показывать на доску пальцем и пальцем обводить какое-то (а именно актуально важное) место на ней**» и (б) – жест, взятый мной из книги [Kendon 2004: 207]: женщина покупает бананы, стоя у лотка с фруктами. Она спорит с продавцом, который снял с весов ее бананы до того, как стрелка весов остановилась. Увидев это, она возмущенно говорит продавцу: «Что вы делаете? Смотрите, стрелка же еще движется!», и с этими словами женщина поднимает руку, вытягивает ее вместе с указательным пальцем прямо перед собой, направляя руку в сторону весов. Затем, как пишет А. Кендон, «вместо того, чтобы просто задержать руку в таком положении, женщина три-четыре раза поворачивает её из стороны в сторону». Очевидно, что жест руки и пальца тут указывает как на объект (стрелку весов), так и на характеризующий предикат (движение стрелки).

Реальность и разную природу выделенных мною двух разновидностей указательных жестов неожиданно подтвердили исследования совсем в другой области невербальной семиотики, а именно связанные со становлением и развитием невербальной коммуникативной компетенции у ребёнка. Так, в ряде работ, посвященных генезису и эволюции жестовых систем и невербального диалогического поведения у детей, было показано, что собственно дейктическими жестами итальянские, французские и испанские дети овладевают в возрасте где-то от 16 до 20 месяцев. Дети показывали на маму, мяч,

машину, цветок или другие привычные для них предметы в ответ на вопрос: «Где мама, мяч и т. д.?». И только позже, фактически уже полностью овладев обычным языком, то есть не ранее, чем в двухлетнем возрасте, дети начинают использовать в диалоге с взрослыми характеризующие дейктические жесты. Так, показывая на игрушку, они говорили «красивая», а показывая на кресло-качалку, начинали наклонять корпус вперед-назад, имитируя движение качающегося кресла, и т.п. Похожее поведение ребенка (2 года 4 месяца) я сам тоже наблюдал в одной московской семье.

В русской культуре дейктические иллюстраторы обычно осуществляются рукой (для правой – чаще всего, конечно, правой), пальцами руки – указательным, большим и, реже, мизинцем (обычно мизинцем пользуются маленькие дети), иногда рукой и пальцем вместе, а также головой и глазами. В других культурах (впрочем, хотя и редко, в русской культуре тоже) для жестовых указаний могут использоваться другие соматические объекты и их сочетания. Например, в некоторых странах Латинской Америки распространена указательная жестовая комбинация **подбородок – взгляд**, ср. также предложение, демонстрирующее возможность указания подбородком у русских: *Что все то значит? – и он строго указывает подбородком на злополучную расписку (С. Гандлевский)*. У некоторых народов есть указательные жесты ног, а у народа масаи в Африке, у индейцев Куна в Панаме и у жителей Лаоса широко применяется указательный жест нижней губой. Судя, однако, по имеющимся в моем распоряжении фотоизображениям лаосцев, исполняющих данный жест, указание нижней губой – это у них не какое-то отдельное знаковое движение, а комбинация сразу из нескольких жестов, включающая подъем (точнее, резкое вскидывание) головы, прямой взгляд, приоткрытый рот и выдвижение вперед губы.

II. Новым направлением в области невербальной семиотики является концептуальный анализ невербальных знаков. Мною лично и некоторыми моими студентами изучался, в частности, ряд концептов, имеющих как речевые, так и характерные жестовые реализации. Целью исследования было, во-первых, дать по возможности полное описание семиотических средств русского языка, служащих типовыми манифестациями концепта, а во-вторых, выявить совокупность факторов, которые влияют на предпочтение телесных манифестаций концепта речевым, и наоборот.

К концептам, о которых я говорю, относятся, в частности, заигрывание и флирт – комплексные виды поведенческой деятельности, которая включает в себя серию речевых и жестовых актов, призванных привлечь к себе положительное внимание другого человека или группы лиц (в случае флирта – это, как правило, лицо противоположного пола).

На семинарах читаемого мной в РГГУ учебного курса «Теория и практика невербальной коммуникации» определялись соматические объекты и признаки, участвующие в соответствующих актах, а также типовые способы их вербальной и невербальной знаковой репрезентации (при этом мы обращались к материалам электронных корпусов и к небольшой собранной нами коллекции видеозаписей и фотоснимков). Кроме того, изучались возрастные и гендерные особенности актов заигрывания и флирта, разные цели, ролевые и статусные характеристики участников, предпочтительные способы заигрывания и уклонения от него в разные периоды жизни людей. В частности, уточнялись стратегические линии и конкретные поведенческие тактики, такие как «агрессия», «охота» или «атака», то есть по преимуществу физические воздействия на адресата в детском и юношеском возрасте, «поведение жертвы», определялись типовые место и время заигрывания и флирта. Наконец, описывались типологически существенные культурные и этнические разновидности и особенности самого акта заигрывания и его соотношения с ухаживанием. В частности, строилась модель игры в воде в Древней Индии и устанавливались принципы составления цветочного букета в культурах Японии и Китая. Отмечались этикетные приёмы первого обращения к девушке, которые в разные исторические периоды существовали в Польше, решалась задача определения основных принципов невербального знакового поведения девушки-куртизанки в присутствии молодого человека в барочной Франции и формулировались правила приличия в проявлении любовных чувств, которым предписывалось следовать молодому человеку в викторианской Англии XIX века.

III. Решение проблемы мультимодальности на русском материале невозможно без изучения русской семиотической концептуализации соматических объектов разных типов. Основное внимание мы уделили при этом тем из них, которые долгое время оставались вне сферы внимания лингвистов и специалистов в области невербальной семиотики. Я имею в виду, в частности, объекты, условно названные нами «кости» (ср. такие имена костей, как *кость, локоть, колено, зуб, лоб, скелет* и др.), «линии» (*морицины, талия, черты лица* и др.), «рудименты» (*аппендикс, копчик, родинка* и др.) и некоторые другие. Описывались отдельные связи структурных, физических и функциональных компонентов, относящихся к телу человека или его частям, и его психологических характеристик. Хорошо известно, например, что патологические величины размера и веса, такие как чересчур высокий или низкий рост человека, излишняя толщина и худоба, способствуют возникновению у человека

разнообразных комплексов, вплоть до комплекса неполноценности, а потому подобные телесные аномалии многим людям вообще мешают вступать в коммуникацию.

Задача системного описания соответствий телесных и психических свойств человека является составной частью проблемы мультимодальности. В недавней статье [Крейдлин, Переверзева 2014] мы попытались раскрыть связи признака «пространственная ориентация соматического объекта» с отдельными психологическими характеристиками его обладателя – с теми, которые говорят об отношении человека к собеседнику, которое выражено в актуальном диалоге. Расскажу подробнее, о чём шла речь в этой статье, сделав по дороге ряд мелких добавлений и уточнений.

Под пространственной ориентацией объекта (в том числе соматического) обычно понимают его направленность либо на некоторый другой объект (причём не обязательно телесный), либо на некоторую часть пространства, ср. языковые обозначения ориентации, такие как *показать пальцем на здание* и *лежать головой на север*. Такое бытующее по сей день понятие пространственной ориентации, как было нами показано, нуждается, однако, в существенном уточнении: в определение этого понятия нужно ввести эксплицитно фигуру наблюдателя. Так, у предложения *Дом ориентирован балконами на речку / на восток* семантическая структура, на наш взгляд, такова: ‘если вообразить себе, что на балконе стоит человек и смотрит вперёд, то речка мыслится как тот объект, на который направлен его взгляд (соответственно, восток мыслится как та часть пространства, на которую направлен его взгляд)’.

Ранее, в кандидатской диссертации [Переверзева 2013], написанной под моим руководством, были детально охарактеризованы два основных способа знаковой репрезентации ориентации – **линейная** и **угловая ориентация**. В диссертации показано, что в русском языке для выражения линейной ориентации активно используется синтаксическая конструкция вида **X V Y-ом Prep Z**. Здесь X, Y, Prep, Z и V – это переменные, на места которых подставляются имя ориентируемого объекта (X) и некоторой его выделенной части (Y), предлог (Prep), имя ориентира (Z) и обозначение действия или ситуации (V), в которых объект X ориентируется относительно Z. Примерами предложений, построенных в соответствии с этой конструкцией, являются (1) *Церковь ориентирована алтарём на восток*; (2) *Дом выходит окнами в сад*; (3) *Воланд протянул руку ладонью кверху* или (4) *Он лежал головой на север, а лицом на запад*.

На место переменной X, таким образом, подставляются имена ориентируемых объектов – *церковь, дом, рука* и *он*, а переменную Y замещают имена частей ориентируемых объектов,

но не любых, а только тех, положение которых существенно для определения ориентации самих объектов. Такие части ориентируемых объектов мы назвали **выделенными** (здесь это *алтарь, окна, ладонь, голова и лицо*). Переменную Z – **ориентир** – заполняют здесь имена *восток, сад, верх, север* и *запад*, а переменную $P_{pre} Z$ – предлоги *на* и *в*. Кроме того, на место сочетаний $P_{pre} Z$ разрешается также подставлять пространственные наречия – это бывает обычно в тех случаях, когда ориентиром является какая-то часть пространства, ср. *кверху* в предложении (3). Наконец, переменную V замещают предикатные единицы *быть ориентированным, выходить, стоять, лежать* и т.п. Приведенная конструкция пространственной ориентации была названа *линейной* потому, что она указывает на более близкое расположение **выделенной части объекта** относительно ориентира по сравнению с другими его частями, а смысл ‘близости’ удобнее всего изображать **геометрически при помощи отрезка**, соединяющего две точки – ориентир Z и выделенную часть Y объекта X .

Если в вербальном отражении линейной ориентации основным элементом являются глаголы и другие предикатные единицы, то в вербальном представлении другой – угловой – ориентации основным элементом являются наречные образования и предложно-падежные формы, а также некоторые существительные (ср. слова *влоборота, косо, искоса, под углом, под наклоном, профиль*). В формальном описании угловой ориентации существенно используется понятие **ориентируемого объекта правильной формы**. А именно, пусть дан некий физический объект, обладающий следующими свойствами: (А) внутри него можно представить декартову систему координат, состоящую из перпендикулярных друг другу осей, причём (Б) измерения длины, ширины и других пространственных параметров данного объекта производятся по одной из этих осей. О таком объекте мы говорим, что он имеет правильную форму, и называем его *объектом правильной формы*.

Оси внутри объекта правильной формы (которых в нормальном случае три – вертикальная, горизонтальная и сагиттальная) в ситуациях ориентации называются **осями ориентируемого объекта**. При угловой репрезентации телесной ориентации указывается, что одна из осей ориентируемого объекта правильной формы (то есть объекта X) образует угол с воображаемой прямой, соединяющей его с ориентиром Z (кратко: *прямая «объект – ориентир»*). Иначе говоря, угловое представление телесной ориентации задаётся, прежде всего, **углом ориентации**, то есть углом между одной из осей ориентируемого объекта правильной формы в некотором его положении и прямой «объект – ориентир».

Угловому представлению отвечают (по крайней мере) две языковые конструкции: (а) $X V$ под углом Q Prep Z и (б) $X V Y$ -ом под углом Q Prep Z (место переменной Q заполняется числом, обозначающим величину угла ориентации). Первой из них соответствует предложение (5) *В глаз человека, стоящего далеко от озера, попадают солнечные лучи (X), отбрасываемые (V) водной поверхностью под небольшим (Q) углом к (Prep) ней (Z)*, а второй – предложение (6) *Вася (X) стоит (V) спиной (Y) к (Prep) фотокамере (Z) под углом градусов в 45 (Q)*.

Когда речь идёт о пространственной ориентации человека, основными являются три ориентации, а именно вертикальная (ось вверх – вниз) и две горизонтальные (влево – вправо и вперёд – назад). Со словами, в семантике которых содержится указание на эти ориентации, связаны разного рода оценки поведения одних людей по отношению к другим, и, главным образом, это этические оценки.

Рассмотрим такие единицы, как *подниматься в чьих-то глазах* или *опускаться* (в переносном значении). С ними связаны оценки морального одобрения и, соответственно, осуждения человека или его поступка. Движение вверх – это движение восходящее, это движение к Небу (ср. глаголы *подниматься, возвышаться*, сочетания *во весь рост, воздевать руки к небу*), а движение вниз связано с силой тяготения. Ср. такие слова, как глагол *пасть* и существительные *дно, низ, низость*: (7) *Низость – само слово указывает на тяготение, на феномен силы тяготения*; (8) *Благородное действие может принизить, если нет необходимой силы того же уровня. Низкое и поверхностное находятся на одном уровне*. Не случайно *кланяться*, обозначающее движения головы и корпуса вниз, часто интерпретируется как *унижаться*, ср. (9) *Я не стану тебе кланяться!*

Если направление движения и ориентация по вертикальной оси связаны с движениями вверх (к Богу, к Небу) и вниз (от Бога, в Преисподнюю), то направление движения по горизонтальным осям соотносится уже с движением к людям. На это указывают некоторые русские глаголы воображаемого или реального движения (*приблизиться, соединиться в одно, слиться, столкнуться*), глаголы, обозначающие влечение одного человека к другому (*Меня к нему тянет / влечет / притягивает*), а также глаголы и глагольные группы, выражающие человеческие отношения или их изменение, типа *разорвать, прервать* или *сломать (отношения)*. Все такие языковые единицы говорят о том, что отношения между людьми изменились: они стали либо лучше, либо хуже. Иными словами, переносные значения пространственных глаголов ориентации по горизонтали свидетельствует об изменении человеческого измерения.

Теперь скажу несколько слов о жестах из класса «поклонов». По форме виды поклонов различаются углами наклона корпуса жестикулирующего к адресатам – к людям, к изображениям сакральных объектов или к каким-то иным ориентирам. Было сказано, что для описания форм поклонов более приспособлен язык угловой ориентации, поскольку величина угла ориентации при исполнении поклона данного вида зависит от типа адресата и отношения к нему жестикулирующего. Типовыми русскими глаголами, за которыми стоят поклоны разных типов, являются глагол *поклониться* и – в редких случаях – глагол *наклониться*. Отметим попутно, что *наклониться* чаще выражает незнакомые действия (ср. *наклониться к кому-то, перед кем-то* или *наклониться* при исполнении какого-то упражнения в утренней гимнастике; в первом случае более чем одноместный предикат *наклониться* – это глагол ориентации, а во втором случае это одноместный предикат местоположения тела из семантического класса глаголов местоположения).

В упомянутой статье [Крейдлин, Переверзева 2014] формулируется одна общая закономерность, относящаяся к связи физических и психических компонентов применительно к поклонам: чем глубже позитивные чувства жестикулирующего к адресату, тем больше угол наклона тела в поклоне. При этом отмечено, что если отношение жестикулирующего к адресату чисто формальное, то даже при выражении позитивного чувства угол наклона невелик, ср. разного рода **кивки** или **академические поклоны**, а также предложение (10) *В знак уважения к позиции капитана Арсений наклонил голову* (Е. Водолазкин).

Тело жестикулирующего во всех русских поклонах ориентировано передней частью в сторону адресата, и глаза его – не в случае религиозных поклонов в православных храмах – тоже смотрят на адресата. А перед сакральными объектами и во время исповеди жестикулирующий смотрит вниз, и этим выражается отношение глубокого почтения и смирения. И вообще, отношения смирения, стыдливости, скромности, то есть те, в которых человек ставит себя ниже адресата, выражаются склонённой головой и опущенными глазами, ср. выражения *<стыдливо> потупиться*, *<скромно> опустить глаза*, *<смирненно> склонить голову*. Однако стыдливость другого рода, а именно стыдливость, смешанная с заинтересованностью жестикулирующего в адресате и вниманием к нему, как правило, выражается следующим **жестовым комплексом**: «голова жестикулирующего опущена вниз, а глаза время от времени смотрят (*косятся*) на адресата», ср. строки из известной песни «Подмосковные вечера»: *Что ж ты, милая, смотришь искоса, // Низко голову наклоня?*

Пространственный аспект семантики наречия *искоса* хорошо передаётся на языке угловой ориентации. Действительно, физическая реализация, например, жеста **смотреть искоса** <на кого-л.> складывается из трёх компонентов. Один из них – это действие, выполняемое глазами, а два других – это ориентации глаз и головы. Как известно, в устном диалоге лицо (передняя часть головы) и глаза жестикулирующего в норме направлены на собеседника, а между тем здесь лицо жестикулирующего направлено не в ту же сторону, что глаза, вследствие чего образуется угол между прямыми, которые соответствуют ориентациям головы и глаз.

В упомянутой выше диссертации [Переверзева 2013] было показано, что несовпадение ориентации головы и глаз и наличие между ними относительно небольшого угла объясняет возникновение переносного значения у наречия *искоса*, которое отмечается, например, в толковых словарях [Ожегов 1983; Кузнецов 1998]. Слово *искоса* в исходном значении толкуется как «не прямо, скосив глаза», а в переносном – как «недоброжелательно, с подозрительностью [смотреть]». Такое переносное значение возникает, на наш взгляд, не случайно, однако для объяснения его появления нужно выйти за пределы собственно русского языка и обратиться к русскому языку жестов.

Выше я уже говорил [Крейдлин 2012], что физическая реализация жестов во многих случаях является композиционной, причем не только по форме, но и по смыслу, а именно смысл многих жестов складывается из семантических компонентов, соответствующих отдельным компонентам его физической реализации. Иначе говоря, такие аспекты телесной ориентации, как (а) близость / удаленность выделенной части ориентируемого объекта к ориентиру / от ориентира и (б) угол между осью соматического объекта при его обычной ориентации и той же осью данного объекта в ситуации актуальной коммуникации, имеют свою семантику. В частности, в русском языке жестов наличие угла между направлением глаз (взгляда) и направлением головы обычно свидетельствует о неискренности человека, о сокрытии им какой-то информации или нежелании сообщать её собеседнику, а тем самым и о недоверии к нему или недружелюбии. Ср. выражения *отводит глаза в сторону*, *опустить глаза*, *не смотреть <на собеседника>* [Крылова 2010], а также фразы (11) *Смотри мне в глаза и говори правду!*; (12) *Ты почему опустил глаза – говоришь неправду?* В последней фразе, которую произнесла при мне учительница гуманитарного лица в адрес ученика 6-ого класса, судя по интонации, явно выражена причинно-следственная связь между произнесением лжи и опусканием глаз.

По-видимому, не случайно также, что В.И. Даль поясняет одно из значений слова *исподлобья* с помощью *искоса*: «непрямо, насупив брови и не поворачивая головы, искоса, насупясь; глядеть недоверчиво или со скрытым неудовольствием» [Даль 1998]. Хотя нормой общения русских людей в диалоге лицом к лицу является взгляд, направленный на собеседника, это – взгляд не прямо в глаза, поскольку жест **прямой взгляд в глаза** может интерпретироваться адресатом как вызов, а потому плохо им восприниматься [Kendon 1967; Ellsworth 1975; Emery 2000; Крейдлин 2002].

И последнее. В таких жестах из класса приветствий, как **протянуть руку для рукопожатия** или **протянуть руку для поцелуя**, определенный смысл приходится на компонент физической реализации «рука вытянута прямо». Любое отклонение от этой нормы исполнения жестов, например, протягивание руки ниже, чем прямо, свидетельствует о стремлении жестикулирующего управлять телесным поведением собеседника, в частности, о желании унижить его, подчеркнуть различие в статусах и пр. И в этом случае для описания пространственного поведения жестикулирующего удобно перейти на язык линейного представления ориентации: «рука жестикулирующего ориентирована кистью на адресата (не вниз и не вверх)».

Как мы видим, между телесным признаком «ориентация» и психологическим признаком «отношение между участниками диалога», каждый из которых играет важную роль в семиотической концептуализации тела и телесности, существует тесная связь. Построение семантической сети, фиксирующей все связи такого рода между компонентами семиотической концептуализации, и грамматики, включающей в себя правила синтеза телесных манифестаций отдельных смысловых компонентов жестов, является важнейшим этапом на пути решения проблемы мультимодальности.

Список литературы

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4 т. Москва: «Терра», 1998.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. Москва: «Новое литературное обозрение», 2002. 581 с.

Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Труды международной конференции «“Диалог 2006”: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Москва: изд-во РГГУ 2006. С. 290–296.

Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге. II А. Дейктические жесты и их типы // Труды международной конференции «“Диалог 2007”: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Москва: Изд-во РГГУ, 2007. С. 320–327.

Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге. П Б. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7(14). По материалам международной конференции «Диалог 2008», Москва, 2008. С. 248–253.

Крейдлин Г.Е. Тело человека и некоторые особенности синтаксического взаимодействия вербальных и невербальных знаковых кодов в диалоге // Современные прагмалингвистические и лингвокультурологические исследования. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012а. С. 144–152.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и словообразование: точки соприкосновения // Актуальные проблемы словообразования. IV. Кемерово, КГУ. 2012б. С. 25–31.

Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация человеческого тела (теория и методология анализа) // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3. Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях: межвузовский сборник научных трудов. Москва: «Флинта», изд-во «Наука», 2013. С. 81–97.

Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело и его части как объекты семиотической концептуализации // Tilman Berger, Markus Giger, Sibylle Kurt, Imke Mendoza (Hg.) *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag.* München – Wien: «Wiener Slawistischer Almanach», 2009. С. 369–384.

Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 42–51.

Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело в диалоге: ориентация соматических объектов и выражение отношений между людьми // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). Москва: Изд-во РГГУ, 2014. С. 272–283.

Крылова Т.В. Лексикон «отвода глаз» (*отвернуться, отвести глаза, опустить глаза, потупиться*) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. Москва: «Индрик», 2010. С. 184–195.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: «Норинт», 1998. 1536 с.

Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: сборник статей (под ред. О.В. Фёдоровой и А.А. Кибрика). Москва: «Буки Веди», 2014.

Ожегов С.И. Словарь русского языка, изд. 14-ое, стереотипное. Москва: «Русский язык», 1983. 816 с.

Переверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела в русском языке и русской культуре: признак «ориентация»: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, РГГУ, 2013. 169 с.

Efron, D. *Gesture and Environment*. New York: King's Crown Press, 1941 (2-nd edition – 1972: в 1972 году книга вышла под названием «*Gesture, Race and Culture*»).

Ellsworth P.S. Direct gaze as a social stimulus: the example of aggression // *Nonverbal communication of aggression*. New York, 1975. P. 53–76.

Emery N.J. The eyes have it: The neuroethology, function and evolution of social gaze. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 24, 2000. P. 581–604.

Kendon A. Some Functions of Gaze Direction in Social Interaction // *Acta Psychologica*, 26, 1967. P. 22–63.

Kendon A. *Gesture: visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.

Schegloff E.A. On some gestures' relation to talk // J. M. Atkinson, J. S. Heritage (eds.) *Structures of social action*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 266–296.

References

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [The explanatory dictionary of the Russian language] 4 vol. Moscow: Terra Publ., 1998.

Kreydlin G.E. Neverbal'naya semiotica. Jazyk tela i estestvennyj jazyk. [Non-verbal semiotics. Body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 581 p.

Kreydlin G.E. Mehanizmy vzaimodeystvija neverbal'nyh i verbal'nyh edinits v dialoge I: zhestovye udarenija [Mechanisms of relations between verbal and non-verbal units in the dialogue I: gesture accents]. *Trudy mezhdunarodnoj konferentsyi «Dialog 2006»: kompjuternja lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Works of the international conference «Dialogue 2006»: computer linguistics and intellectual technologies]*. Moscow: RSUH Publ., 2006. Pp. 290–296.

Kreydlin G.E. Mehanizmy vzaimodeystvija neverbal'nyh i verbal'nyh edinits v dialoge II A. Deykticheskie edinitsy i ih tipy [Mechanisms of relations between verbal and non-verbal units in the dialogue II A. Deictic units and their types]. *Trudy mezhdunarodnoj konferentsyi «Dialog 2007»: kompjuternja lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Works of the international conference «Dialogue 2007»: computer linguistics and intellectual technologies]*. Moscow: RSUH Publ., 2007. Pp. 320–327.

Kreydlin G.E. Mehanizmy vzaimodeystvija neverbal'nyh i verbal'nyh edinits v dialoge II A. Deykticheskie edinitsy i rechevye acty [Mechanisms of relations between verbal and non-verbal units in the dialogue II A. Deictic units and speech acts]. *Kompjutenaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Computer linguistics and intellectual technologies]*, vol. 7(14). Based on the materials of the international conference «Dialogue», Moscow, 2008. Pp. 248–253.

Kreydlin G.E. Telo cheloveka i nekotorye osobennosti sintaksicheskogo vzaimodeystviya verbal'nyh i neverbal'nyh znakovyh kodov v dialoge [The human body and some aspects of syntactic relation between verbal and non-verbal units in a dialogue]. *Sovremennye pragmalingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie issledovania [The contemporary pragmalinguistic and linguoculturological research]*. Ivanovo: Ivanovo State University, 2012a. Pp. 144–152.

Kreydlin G.E. Neverbal'naya semiotica i slovoobrazovanie: tochki soprikosnovenia [Non-verbal semiotics and word-building: points of coincidence]. *Actual'nye problemy slovoobrazovania [Actual problems of the morphology]*. IV. Kemerovo: KSU Publ., 2012b. Pp. 25–31.

Kreydlin G.E. Semioticheskaya kontseprualizatsiya chelovecheskogo tela (teoria i metodologija analiza) [Semiotic conceptualization of the human body (theory and methodology of the analysis)]. *Studia linguistica cognitiva. Vol. 3. Kognitivnaya dinamika v jazykovyh vzaimodeystviyah: mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov [Cognitive dynamics of linguistic cooperation: the intercollegiate collection of articles]*. Moscow: «Flinta», publ. «Nauka», 2013. Pp. 81–97.

Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I. Telo i ego chasti kak objekty semioticheskoy kontseptualizatsiy [The human body and body parts as objects of semiotic conceptualization]. Tilman Berger, Markus Giger, Sibylle Kurt, Imke Mendoza (Hg.) *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. München – Wien: Wiener Slawistischer Almanach*, 2009. Pp. 369–384.

Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I. Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela i ego chstey I: Klassifikatsyonnye i strukturnye harakteristiki somaticheskikh objektov [Semiotic conceptualization of the human body and body parts: classificatory and structural peculiarities of somatic objects]. *Voprosy philologii [Questions of the philology]*. 2010. №2 (35). Pp. 42–51.

Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I. Telo v dialoge: orientatsya somaticheskikh objektov i vyrazhenie otnosheniy mezhdud lud'mi [Body in a dialogue: orientation of somatic objects and explication of the relationship between people]. *Kompjutenaya lingvistika i intellektual'nye*

technologii [Computer linguistics and intellectual technologies] Based on the materials of the international conference «Dialogue» (Bekasovo, 4–8 June 2014). Vol. 13 (20). Moscow: RSUH Publ., 2014. Pp. 272–283.

Krylova T.V. Lexicon «otvoda glaz» (*otvernut'sa, otvesti glaza, opustit' glaza, potupit'sya*) [The lexicon of «hiding the eyes» (*to turn away, to withdraw eyes, to look down, to drop eyes*)]. *Logicheskii analiz jazyka: mono-dia-polilog v raznyh jazykah I kul'turah [Logical analysis of language: mono- dia- and polylogue in different languages and cultures]* Moscow: «Indrik» Publ., 2010. Pp. 184–195.

Bol'shoy tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The big explanatory dictionary of the Russian language] / ed. Kuznetsov S.A. St.-Petersburg: «Norint» Publ., 1998. 1536 p.

Multimodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya [Multimodal communication: theoretical and practical research]. The collection of articles ed. By O.V. Fedorova and A.A. Kibrik. Moscow: «Buki Vedi» Publ., 2014.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [The Dictionary of the Russian language], 14th edition. Moscow: «Russky jazyk» Publ., 1983. 816 p.

Pereverzeva S.I. Semioticheskaya kontseptualizatsiya tela v russkoy kul'ture: priznak «orientatsiya» [Semiotic conceptualization of the human body in Russian culture: orientation]. PhD thesis. Moscow: RSUH, 2013. 169 p.

Efron, D. *Gesture and Environment*. New York: King's Crown Press, 1941 (2-nd edition – 1972 «*Gesture, Race and Culture*»).

Ellsworth P.S. Direct gaze as a social stimulus: the example of aggression // *Nonverbal communication of aggression*. New York, 1975. Pp. 53–76.

Emery N.J. The eyes have it: The neuroethology, function and evolution of social gaze. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 24, 2000. Pp. 581–604.

Kendon A. Some Functions of Gaze Direction in Social Interaction // *Acta Psychologica*, 26, 1967. Pp. 22–63.

Kendon A. *Gesture: visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.

Schegloff E.A. On some gestures' relation to talk // J. M. Atkinson, J. S. Heritage (eds.) *Structures of social action*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1984. Pp. 266–296.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Институт лингвистики. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Россия, 125 993 Москва, Миусская пл., д. 6, ГСП-3

E-mail: gekr@iitp.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Grigory Kreydlin, Doctor of Philology, Professor of the chair of Russian language

Institute of linguistics, Russian State University for the Humanities (RSUH)

6 Miusskaya sq., GSP-3, Moscow 125993 Russia

E-mail: gekr@iitp.ru